

Б. Л. Шапиро

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

«АМАЗОНКИ» ПРИ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ: СЕДЕЛЬНЫЙ СБОР И КОСТЮМ

В статье исследуются детали, сопутствующие женской верховой езде в Московском государстве второй половины XVI — первой половины XVII в. Акцент в работе сделан на обращении к историческому нарративу, который рассматривается как комплекс уникальных источников по истории придворного церемониала русского позднего Средневековья. В этом контексте анализируются как уже широко изученные в отечественной науке записки, так и менее известные работы. Отмечается, что женская конная охрана царицы при московском дворе была кратковременным, но ярким явлением.

Ключевые слова: русское Средневековье, Московское государство, Романовы, история костюма, древнерусский женский костюм

Обычаи московского двора русского позднего Средневековья относятся к числу вопросов, при исследовании которых реальные события зачастую искажаются мифологизированным толкованием. Одними из специфических источников, богатых на неточности в интерпретации фактов, являются многочисленные записки иностранцев о Московии того времени. Однако широкий событийный ряд и внимание к деталям, характерные для этих «записок», помещают их на одно из первых мест в изучении дворцового быта. Массовость подобных материалов позволяет проследить как общие, так и частные случаи российской истории, в том числе и уточнить подробности такого кратковременного, но яркого явления, как придворная женская конная стража.

Женская верховая езда в мужском седле была характерной приметой повседневности во второй половине XVI столетия: об этом сообщают источники 1557–1558¹ и 1568–1569 г.² Иностранцы, побывавшие в России в первой половине XVII в., отмечали, что в это время при московском дворе появляется своеобразная конная стража, состоящая исключительно из женщин. Эти «амазонки» числом от 24 до сотни сопровождали только женскую половину царской семьи «для их береженья» [Забелин, 1847, с. 6]. Исследователи разных лет усматривали в этом как приверженность старине, обычаям XVI в. [Кириллова, с. 108], так и попытки придать больше пышности государственному церемониалу [Забелин, 1847, с. 12; Забелин, 2014б, с. 395].

Действительно, царские выезды этого времени были весьма внушительны, причем выезды царицы превосходили выезды царя по многочисленности и разнообразию свиты. Здесь добавлялись особенные составляющие, боярыни и прислужницы, в числе которых была и женская конная стража. Как правило, такое сложносоставное окружение сопровождало царице только при особо торжественных, непременно дальних поездках. Обыкновенные выезды в пределах города и ближайшего пригорода совершались более упрощенным порядком: в этом случае царицу сопровождали только мужчины из ее ближайшего круга, дворяне и боярские дети [Забелин, 2014б, с. 398]. Свидетелем такого «малого» выезда в 1585 г. был гданьский монах-путешественник Мартин Груневег: царицу сопровождали «300 всадников, среди них сотня Татар с луками, Московиты же с пищалями»³. Придворные «амазонки» в таких выездах не участвовали.

Самыми пышными царскими выездами были годовые, то есть совершаемые ежегодно, богомолья; они же являлись одновременно и главными парадными женскими выездами, и совместными семейными. Царская семья выезжала, главным образом, к Троице (в Троице-Сергиев монастырь), царь и царица каждый собственным конным поездом.

¹ Описание России неизвестного англичанина служившего зиму 57–58 годов при царском дворе / Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 28.

² Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 260.

³ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2013. С. 234.

Конная женская стража стала неотъемлемой частью этой внушительной процессии, ежегодно тянувшейся к Троице, о чем сохранились множественные свидетельства современников. Самые ранние из них относятся к рубежу XVI—XVII в. 1600 годом датируется рассказ английского дипломата Вильяма Парри; он свидетельствует о наличии в штате царицы Марии Годуновой прислужниц, одетых для верховой езды⁴.

Выезд с их участием описан очевидцами Троицкого поезда Бориса Годунова и его супруги, начавшегося 6 октября 1602 г.⁵ Богомолье было приурочено к предстоящей свадьбе их дочери с датским принцем, «да благословит Небо союз Ксении с Иоанном» [Карамзин, стб. 31]. Иностранцы, подробно зафиксировавшие все обстоятельства этого выезда, представляли датское посольство, сопровождавшее жениха Ксении Годуновой.

По признанию многих, этот поезд был одним из самых богатых богомольных выездов столетия. Приведем здесь описание этой исключительной по своему блеску процессии. Появление царя предвещалось шестью сотнями вооруженных всадников; за ними вели в поводу 25 роскошно убранных заводных лошадей, часть из которых была покрыта леопардовыми шкурами. Позади шествовали рыжие лошади, убранные алым бархатом; лошади в таком же уборе, но светло-серые, везли царскую вызолоченную карету, ехавшую следом. За царской каретой ехал верхом тринадцатилетний царевич Федор, одетый в парчу; его окружала плотная толпа из бояр и дворян. За толпой тянулись десятки повозок, где размещались придворные и царское имущество. Далее ехали многочисленные конные дворяне и стрельцы; последние вели в поводу еще 40 заводных серых в яблоках лошадей. Следом на серых лошадях в алом бархате ехали бояре. Наконец, «...следовала царица в золоченой повозке с небом из алого бархата, и против нее в повозке сидели две боярыни. Повозка ее была запряжена десятью очень красивыми серыми лошадьми. За нею следовала царевна [Ксения], ехавшая также в золоченой повозке с небом из оранжевого бархата... Повозка ее была запряжена восемью красивыми серыми лошадьми. Как кругом царицыной, так и кругом царевниной повозки бежала большая толпа бояр. За повозкою царевны ехало верхом 36 боярынь, все замужние, одетые в красное, все в белых войлочных шляпах с широкими полями и красными повязками вокруг шляпы и с белою [фатою, закрывавшей] рот. Сидели они на лошадях по-мужски. За ними следовало большое множество повозок...»⁶.

Присутствие женского отряда, ехавшего попарно «верхами на иноходцах»⁷, отмечают и другие свидетели этого выезда: «все горничные женщины ехали верхом, как мужчины: на головах у них были белоснежные шапки, подбитые телесного цвета тафтой, с желтыми шелковыми лентами, на них золотые пуговицы, к которым приделаны были кисти, падавшие на плеча. Лица у женщин закрывались белыми покрывалами до самого рта, а одеты они были в длинные платья и желтые сапоги. Каждая ехала на белой лошади, а всех таких ехавших, одна возле другой, женщин было 24»⁸.

О выезде Марины Мнишек, состоявшемся, очевидно, в мае 1606 г., пишет французский наемник на русской службе капитан Жак Маржерет: «изрядное число женщин следует за ее каретой, сидя верхом по-мужски»⁹. Вероятно, таким же порядком выезжала и Мария Шуйская: в ее гардеробе отмечены особенные головные уборы, предназначенные только для дальней дороги [Забелин, 2014б, с. 604]. Судя по всему, это были последние выезды с «амазонками», так как последующие политические события надолго приостановили бытование чина торжественного выезда царицы.

⁴ Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599—1600 гг. // ЧОИДР. 1899. № 4. С. 8—9.

⁵ Путь из Москвы к Троице занимал не менее 4—5 дней, так как скорость поезда была невысока. Кроме Троице-Сергиевой лавры, царская семья посещала Страстной, Новодевичий и Новоспасский монастыри и другие пригородные и загородные монастыри и подворья. Так, согласно задокументированному «Никольскому объезду» 1634 г., «с царицею быти в походе: мастериц 15 чел., мужних жон, да вдов 5 чел., и обоего 20 чел.; и всего всех 42 чел. И в том числе ехать верхи 37 чел. да 5 чел. в колымагах, а лошадей надобе 37 иноходцев, да 3 колымаги» (см.: Дополнения к дворцовым разрядам. М., 1882. Ч. 1. Стб. 904—905).

⁶ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. № 3. С. 26—27.

⁷ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 36.

⁸ Вебер И., Лунд М. И. Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. / Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии // ЧОИДР. 1867. № 4. С. 16.

⁹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 136.

Достоверных сведений о женской верховой езде в мужском седле в XVI—XVII столетиях ничтожно мало. Очень немного мы можем узнать, сопоставляя официальные документы и исторический нарратив. Иллюстративный материал ограничен двумя весьма условными изображениями [Жилина, с. 164—165]. Первое — это миниатюра из Лаптевского тома Лицевого летописного свода, изображающая конную свиту вдовы Юрия Долгорукого с детьми при поездке в Константинополь к императору Мануилу¹⁰ [Перхавко, Пчелов, Сухарев, с. 198]. Миниатюры свода были выполнены придворными художниками Ивана Грозного¹¹. Всадница на этой миниатюре выделяется из общей массы прежде всего специфической широкополой шляпой¹², надетой на убрus. Аналогичный головной убор представлен на поясном изображении женщины, которое было опубликовано И. Е. Забелиным как шляпа для защиты от солнца и дождя, известная в древнерусском женском костюме с XVI в. [Забелин, 1869, табл. IV, VI].

Свидетельства современников позволяют очертить особенности такой шляпы довольно полно. Она имела широкие круглые поля и круглую тулью; цвет ее всегда был белым, а материалом для изготовления был войлок¹³. Эта шляпа называлась «походная»¹⁴ или «земская»¹⁵; несмотря на свое прозаическое название, она характеризовалась роскошным декором. Отличительной ее чертой были висящие длинные кисти, о которых упоминают очевидцы¹⁶. Эти кисти сравнивались современниками с украшениями венцов: «венец с кистями низан жемчугом, что бывает у боярынь на походных шляпах»¹⁷. Думается, что эти детали убранства могут быть атрибутированы как жемчужные рясна [Жилина, с. 169].

Шляпа снабжалась длинными шнурами из красного или другого цветного яркого материала¹⁸. Эффектным дополнением головного убора была белая фата, висевшая как «шелковая повязка вокруг шеи»¹⁹. В походе она закрывала нижнюю часть лица²⁰, защищая его от загара и дорожной пыли, поднимаемой копытами лошадей поезда. Эта деталь была необходимой частью экипировки «амазонок», поскольку белые румяные лица были их своеобразной «визитной карточкой». Так, Адам Олеарий сообщал о группе из «36 нарумяненных девиц, которые ехали на лошади по-мужски»²¹, ему вторят многие другие²². Говорили, что «в Москве не считается зазорным румянить и белить лица, и самые знатные — и мужчины, и женщины — раскрашиваются, и даже сам Великий князь»²³. Эта особенность воспринималась современниками как национальный обычай [Шамин, с. 37]. Интересное подтверждение того, что косметика действительно входила в число предметов первой необходимости, мы находим в письме царицы Евдокии Лукьяновны, написанном ею вскоре после свадьбы. Здесь перечисляются подарки, сделанные молодой царицей своей сестре: среди обыкновенных для женщин ее круга шелков, серебра и золота, одежд и украшений указаны и два фунта белил²⁴.

¹⁰ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история / Ред. и пер. Е. Н. Казакова. М., 2009. Т. 2. С. 353.

¹¹ По мнению современных исследователей, изображения головных уборов в Своде не испытали влияния иконописи и могут считаться достоверными (см.: [Арциховский, с. 101, 111]).

¹² Из всего многообразия головных уборов именно шляпы (а не шапки) предназначались для верховой езды, о чем, например, косвенно говорит и то, что походные шляпы числились не только по описям имущества цариц, но и по описям Коношечного приказа (см.: Викторова А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725 г. М., 1883. Вып. 2. С. 503).

¹³ Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат., вводная ст. и комм. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 87; Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136; Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 138. Стоит отметить, что белый войлок был в то время обыкновенным материалом для изготовления головных уборов.

¹⁴ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова // ЧОИДР. 1887. № 3. С. 4.

¹⁵ Флетчер Дж. О государстве русском, или Образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 126.

¹⁶ Вебер И., Лунд М. И. Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16.

¹⁷ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам... С. 4.

¹⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 138; Флетчер Дж. О государстве русском... С. 126.

¹⁹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1846. № 1. С. 20.

²⁰ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26.

²¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 138.

²² Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 17; Майерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии. М., 1874. С. 84; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136.

²³ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584—1585 гг. С. 20.

²⁴ Письмо царицы Евдокии Лукьяновны к ее сестре Федосье Лукьяновне Стрешневой // Временник ОИДР. 1849. № 1. С. 15.

Возвращаясь к походным шляпам, отметим, что современники однозначно связывали их с одеждами придворных дам из особого сопровождения царицы: «шла царица, поддерживаемая с обеих сторон двумя пожилыми дамами; ее лицо было густо вымазано притираньями, равно как и лица других дам, согласно обычаю страны... Ее сопровождали до шестидесяти очень красивых женщин... Вся их одежда была обильно унизана жемчугом, искусно обделанным; на голове они имели белые шляпы, с большими лентами кругом, унизанными жемчугом. Мы никогда не видавали, чтобы женщины в этой стране носили шляпы, кроме только этих дам»²⁵.

Именно такие шляпы появляются в гардеробе царской невесты Евдокии Лукьяновны Стрешневой 4 февраля 1626 г., за день до свадьбы: «шляпочному мастеру Оське Жукову от царицыных осьми шляп за дело, рубль 26 алтын 5 деньги»²⁶, — говорится в «Расходе деньгам нынешнего 134 г.» Государевой мастерской палаты. Другой источник сообщает о семи шляпах [Забелин, 2014б, с. 604].

Стоит отметить, что походные шляпы цариц по своим декоративным свойствам значительно превосходили простые головные уборы прислужниц. Так, Евдокии Лукьяновне были изготовлены:

- 1) «шляпа валеная белая, у ней полки по атласу по червчатому низаны жемчугом с канителью; а в ней подложено отласом же червчатым»;
- 2) «шляпа белая, полки подложены отлас серебром, а в ней подложено отласом червчатым»;
- 3) «шляпа белая, полки подложены отласом золотным, а в ней подложено отласом червчатым»;
- 4) «шляпа подложена отласом червчатым, полки у шляпы по отласу по червчатому деланы трунцалом травы»²⁷;
- 5) «шляпа [подложена] внутри атласом червчатым гладким, в полки подложены атласом золотным, по червчатой земле опахала и травы золоты, в нацветях шолки бел, лазорев, зелен; на подкладки пошло атласов золотного 7 верш, гладкого аршин без чети»²⁸.

Непростыми были и шнуры к походным шляпам Стрешневой:

- 1) «снур по отласу по червчатому низан жемчугом большим с канителью, в нем запоны золотые с алмазы и с яхонты и с изумруды; промеж запон, и сверху и с исподи, в гнездах камень яхонты и лалы и изумруды»;
- 2) «снур по отласу по червчатому низан жемчугом большим с канителью, а в нем запоны золоты, в запонах камень алмазы и яхонты и изумруды и бирюзы; промеж запон, и свех и с исподи, в гнездах яхонты и изумруды»;
- 3) «снур по шке серебряной золоченой низан жемчугом, в нем 4 запоны золоты с финифты и с камень с алмазы и с яхонты и с изумруды; меж запан три изумруда»²⁹.

Царице Марии Шуйской принадлежали «шестеры шнуры с кистями шиты золотом и серебром с шолки; 4 шнуры шиты по белой тафте розными шолки, на концех кисти шолк червчат. Снур шляпочной делан картуфелью и трунцалы с жемчуги, подложен тафтою зеленою, 4 кружива снурных, 2 низаны жемчугом, а 2 шиты золотом и серебром, 2 фуника от снур низаны жемчугом» [Забелин, 2014б, с. 604].

Специального платья, приспособленного для верховой езды, судя по всему, московские женщины не знали. В это время специализированная женская одежда для верхней езды только начинает свое формирование: одним из первых примеров стало черное атласное платье, сшитое в 1502 г. для королевы-консорты Англии Елизаветы Йоркской [Arnold, p. 10]. Очевидно, что английская мода еще не была (да и не могла быть) принята на Руси, и русские всадницы пользовались своими обыкновенными одеждами, долгополыми и широкими в подоле³⁰, как поступали в это время и на Востоке.

Стоит отметить, что в восточных культурах женский конный конвой как часть придворного церемониала был известен с гораздо более раннего времени. Так, имеются свидетельства о выездах золотоордынских цариц во время правления хана Узбека (1312–1341 г.): «Тайтуглы царица и самая любимая из всех жена... По

²⁵ Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 8–9.

²⁶ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. М., 1877. Вып. 1. С. 244.

²⁷ Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны. 1642 года // Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865. С. 121–122.

²⁸ Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... С. 313.

²⁹ Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны. С. 122.

³⁰ Moscovita Nobile // Vecellio C. De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo. Venetia, 1590. P. 353–355.

окончании полуденной молитвы царица между хатунями уходит; затем уходят и прочие из них и провожают ее до ее ставки, а по входе ее в нее каждая на арбе своей уезжает в свою ставку. При всякой [из них] около 50 девушек, верхами на конях. Перед арбой до 20 старых женщин, верхами на конях, между отроками и арбою, а позади всех около 100 невольников из молодежи. Перед отроками около 100 старших невольников верховых и столько же пеших, с палками в руках своих и с мечами, прикрепленными к поясам их; они [идут] между конными и отроками. Таков порядок следования каждой хатуни их при уходе ее и приходе ее», — сообщает арабский путешественник Ибн-Баттута³¹.

Этот обычай сохранился и в более позднее время; так, в Алеппо в 1553 г.³², по свидетельству английского купца Антона Дженкинсона, «за великим Турком следовали шесть молодых женщин верхом на белых лошадях... с небольшими луками в руках; около каждой по сторонам было по два евнуха» [Гамель, с. 68]. И. Е. Забелин высказал предположение о заимствовании порядка этого эффектного выезда московским двором [Забелин, 2014б, с. 398].

Одежды московских придворных «амазонок», как уже говорилось, в целом были подобны мужским, но отличались несколько большей шириной³³. Цветом их верхнего платья был избран красный³⁴. Учитывая свидетельства о бытовании при московском дворе женских терликов³⁵, а также то, что царские «терлишники» (то есть те, кто осуществлял личную охрану царя) носили чаще всего единообразные красные терлики, можно предположить, что и одежды женского конного конвоя были выполнены в едином форменном стиле, а возможно, и в виде терликов.

Обувью придворных женщин были сапоги³⁶, которые были известны двух типов — с мягкой и жесткой подошвой. В царском кругу преобладала жесткая обувь [Шапиро, 2017, с. 195]. В распоряжении царицы и ее окружения также имелись чоботы — род сапог с мягкими голенищами. Чоботы могли быть полные и полуполные, то есть укороченные, что встречалось чаще [Забелин, 2014б, с. 655]. Чоботы на жесткой подошве, скроенные на разные ноги, назывались «кривыми».

Женские варианты мужской обуви носили название «на мужское дело»; они встречались даже в гардеробе царицы. В Троицкий вешний поход 1628 г. царица Евдокия Лукьяновна взяла с собой «чоботы отлас червчат, кривые. Чоботы отлас бел, на мужское дело, кривые. Чоботы сафьянные белые, на мужское же дело, кривые»³⁷.

Обувь XVI в., которая использовалась для повседневной верховой езды, была прямых, несколько более округлых форм. Обувь первой трети XVII в., то есть первых царских «амазонок», отличалась заостренным и приподнятым кверху носком головки³⁸. Именно она была особенно престижной и богато украшенной [Осипов, с. 51; Забелин, 2014а, с. 1013]: густо расшивалась самоцветами и жемчугом, а каблуки подбивались серебряными скобами³⁹.

Известно, что обувь придворных всадниц также была подобна мужской⁴⁰ [Костомаров, с. 63], однако, как и одежда [Шамин, с. 27], не была полностью тождественна ей. Среди отличий были более вычурный декор и более высокий каблук, высота которого составляла в среднем 6–7 см⁴¹.

«В ярких цветных одеждах мужчины и женщины ходят / На каблуках. Все, кто имеют деньги, взбираются на каблуки», — свидетельствовал секретарь английского посольства поэт Джордж Турбервилль⁴².

Общее впечатление о придворной женской обуви можно составить по материалам Оружейной палаты, в описи которой под № 3688 отмечен «сапог женский красный, бархатный, на высоком каблуке, при

³¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 291.

³² Так в тексте, но, вероятно, речь идет о 1558 г.

³³ Олгарий А. Описание путешествия в Московию. С. 166.

³⁴ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26; Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 136; Олгарий А. Описание путешествия в Московию. С. 138.

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 287. Л. 370. Выражаю искреннюю благодарность С. М. Шамину за предоставленный материал.

³⁶ Вебер И., Лунд М. И. Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16.

³⁷ Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. Стб. 524.

³⁸ Есть свидетельства о существовании обуви такой формы уже во второй половине XVI в. (см.: Гваньини А. Описание Московии. С. 87; Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 260).

³⁹ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 302.

⁴⁰ Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 17.

⁴¹ Имеются свидетельства, что «передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли» (см.: Олгарий А. Описание путешествия в Московию. С. 166).

⁴² Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 260.

короткой подошве с широким подъемом и таким же проходом в голенище. Верх вырезан козырем, по краям его уцелел кусок шнура зеленого с золотом. Сапог был некогда низан жемчугом, о чем свидетельствуют разводы, прошитые белым шелком и обшитые золотым шнуром, начиная от концов носка и задника до половины голенища. Подкладка красного атласа сохранилась только в подъеме, в остальных местах видна лишь парусина, служившая для подшивки и закрепления узоров на бархате. Носок полукруглый; подошва цельная, переходит и на деревянный каблук. Мера, спереди от носка до верхней части козыря, пятнадцать вершков, сзади от конца каблука до верху одиннадцать вершков, длина подошвы с каблуком пять вершков две осьмых»⁴³.

Известно, что московские всадницы ездили со стременами⁴⁴, которые, вероятно, были укорочены на восточный манер [Кирпичников, с. 152], как и у мужчин⁴⁵. Стремена подбирались подходящие к обуви с жесткой подошвой, с прямым подножием. Стоит отметить, что стремена XVI–XVII в., бытовавшие в Московии, были не только функциональной частью снаряжения, обеспечивающей прочную посадку и контакт всадника и лошади в целом, но и изысканным аристократическим аксессуаром.

К шпорам русские всадники прибегали редко: «сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками. На носке и на пятке подошва чуть выступает вверх и тоже подбита, чем они пользуются вместо шпор», — отмечал создатель знаменитых «Записок о Московии» историк Сигизмунд Герберштейн⁴⁶. Кроме того, частичной заменой шпорам служили стремена турецкого типа с острыми боковыми ступицами [Шапиро, 2017, с. 195].

При сборе седла москвиты стремились к эстетической цельности, выбирая стремена «одного дела с оправой на луках»⁴⁷, то есть такие, художественная отделка которых соответствовала отделке седла. Данных о специфике женского седла для езды по-мужски в XVI–XVII в. не выявлено; вероятно, особых различий с обыкновенными мужскими седлами не существовало. Однако, согласно «Расходу деньгам царицы Евдокии Лукьяновны 135 года», имеются сведения, что седла для «государевых объездов» выделялись из общей массы, хранились отдельно и использовались только в этих походах: «8 Июня мастерам... на седла для Троецкого походу, 3 рубли. А старые у них седла в Государеве казне в Московской пожар, как Москва горела во 134 г., сгорели. А те седла куплены им для походов; а из походов приехав, отдают их в казну и держат их впредь, для государских же походов»⁴⁸.

Все известные на настоящий момент свидетельства говорят о том, что московские придворные «амазонки» ездили в мужских седлах. Это, однако, не означает того, что они не знали седел с боковой посадкой. Едва ли не единственной отправной точкой для размышлений в этом направлении становится сообщение, сделанное в 1848 г. этнографом А. В. Терещенко: «[русские] женщины [XVI века] не ходили далее ворот: они ездили верхом, сядя на седла, сделанные наподобие шотландских стульев, которые делались гладкими из березового дерева» [Терещенко, с. 234]. На первый взгляд кажется очевидным, что этнограф описывает женское боковое седло, хорошо известное к тому времени в Европе [Owen, p. 6–97]. Однако источником для этого заключения послужили стихотворные памфлеты англичанина Дж. Турбервилля, где, несомненно, речь идет об особенностях только мужской езды:

«Богатый ездит верхом
От места к месту, его слуга, следуя за ним, бежит рядом.
Казак носит свой войлок, предохраняющий от дождя.
Их уздечки не столь нарядны, а седла и совсем просты.
Удил нет, а только везде уздечки, седла сделаны из березы.
Они сильно напоминают шотландские седла,
[имеются на них] широкие попоны, хранящие колени
От лошадиного пота; подстилки стелют намного длиннее

⁴³ Описание Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. С. 207.

⁴⁴ Описание России неизвестного англичанина... С. 28.

⁴⁵ Гваньини А. Описание Московии. С. 79; Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 114.

⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 117.

⁴⁷ Описание Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. С. 9.

⁴⁸ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 326.

И шире наших. Они используют во время войн короткие стремяна.

Так, когда русского преследует жестокий враг,

Он ускачет прочь и, неожиданно повернувшись, поражает его из лука»⁴⁹.

Специальные женские седла в Московии все же имелись, о чем свидетельствует опись «Древних русских доспехов неопределенных времен, до империи» Оружейной палаты, где среди 119 седел, «окованных золотом, серебром и украшенных драгоценными камнями, жемчугом, финифтью, московской работы и присланных в дар» отмечены «в том числе старинные женские»⁵⁰.

Более подробное изучение вопроса затруднено недостатком достоверных источников. Может быть определено как женское седло, изображенное на фресках Толчковой паперти церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, чьи росписи включали более двух десятков сюжетов о коне и всаднике из реального и воображаемых миров. Церковный интерьер расписывался в 1694–1695 г. артелью Дмитрия Плеханова, который не раз выполнял заказы царского двора [Добровольская, Гнедовский, с. 196] и был хорошо знаком с его бытом.

Лошади для женской езды также имели свою специфику. Как правило, для торжественных женских выездов выбирались лошади светло-серые, почти белые или чисто белые «как снег»⁵¹. Имеются многочисленные сообщения о том, что они использовались во всех случаях, когда требовалось подчеркнуть торжественность ситуации⁵²; возможно, часть из них была подкрашена для единообразия конного поезда⁵³.

Как правило, московские «амазонки» выезжали на иноходцах, которые «обе ноги правую переднюю и правую заднюю подымают и ставят вдруг...» [Одинцов, с. 94]. Иппологи допускают, что часть из этих животных бежала проиноходью (аллюром, близким к иноходи) или ходой (аллюром, при котором задние ноги опускаются с некоторым запозданием относительно передних) [Шапиро, 2016, с. 171]. Такие аллюры, не в четыре, как обычно, а в два темпа, были быстрыми, но при этом мягкими и спокойными, более удобными для всадников со слабой физической подготовкой. Так, для Троицкого вешнего похода в мае–июне 1628 г. было выделено «под верхи 26 иноходцев, постельницам и мастерицам»⁵⁴.

И документы, и очевидцы свидетельствуют, что конное сопровождение царицы набиралось из числа ее придворной прислуги: «А когда царице лучитца куды ехать, и в то время с нею в коретах, или в колымагах и в каптанах, и с царевичами меншими и с царевнами, сидят боярыни; а кореты, или каптаны, бывают закрыты камкою Персицкою, как едут Москвою, или селами и деревнями; а мастерицы, и постельницы, и мовницы ездят верхами на иноходцах, а сидят на лошадях не против того, как в ыных государствах ездят женской пол, таким же обычаем, как и мужской пол; а будет тех мастериц, и постельниц, и мовниц со 100 человек, кроме девиц мастериц и которые живут в Верху; а всех будет их блиско 300 человек»⁵⁵.

В Троицком осеннем походе 1632 г. «с царицей Евдокией Лукьяновной быти в походе: постельниц 49 ч., мастериц 30 ч., портомой 5 ч., комнатных 2 ч., карлов, карлиц 2 ч. И всего постельниц и мастериц и портомой и комнатных и карлов и карлиц 88 ч. И в том числе постельницам и мастерицам ехать за государыней царицей верхи 40 ч., а под ними 40 иноходцов с седлы и с уздами. По лошади у человека. Итого 19 лошадей. И всего в нынешнем во 140 году быти в Троицком осеннем походе в колымагах и телегах и под мастеровыми людьми и под истобщики и под сторожи и под постельницами и под мастерицами 171 лошадь» [Забелин, 1847, с. 26–27].

⁴⁹ Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. С. 256. Приходится согласиться с К. Д. Кавелиным в том, что работа А. В. Терещенко «исполнена ошибок и неточностей» (см.: [Кавелин, стб. 163]).

⁵⁰ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 257.

⁵¹ Вебер И., Лунд М. И. Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 16; Гольденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса... С. 26–27.

⁵² Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 42; Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 461; Олсарий А. Описание путешествия в Московию. С. 63; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 296; Трана А. Дневник Андерса Траны: 1655–1656 / Пер. А. М. Галиновой. Великий Новгород, 2007. С. 38.

⁵³ Немоевский С. Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков / Сост. М. М. Сухман. М., 1991. С. 201.

⁵⁴ Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. Стб. 519.

⁵⁵ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 36.

Судя по крайне низкому размеру годового жалования⁵⁶, все эти «верховые мастерицы и ученицы, мовницы, портомой или прачки» [Забелин, 1847, с. 12], все те «которым указывали быть [за Государыней Царицей] в походе по списку» [Забелин, 1847, с. 11] не имели какого-то особого положения при дворе, несмотря на фактическую близость к царице.

Имеются немногочисленные косвенные свидетельства о том, что верхами выезжали и боярыни. Так, согласно расходной книге царицы Евдокии Лукьяновны, в июне 1627 г. перед Троицким походом она «пожаловала боярынь да кормилицу шляпами. К трем шляпам на подпушку аршин с вершком камки куфтерю черной; на подкладку 10 вершков тафты черной полу-виницейки, да 3 золотн. шолку гвоздичного. А к кормилицыной шляпе на подпушку 6 вершков отласу зеленого; на подкладку пол арш. тафты виницейки зеленой, да золотник шолку зеленого. Да к тем же шляпам на торочок аршин без чети пестреди; да на подклейку два аршина без четверти полотна Тверского»⁵⁷. Тогда же царица оплатила «мастерам... для Троецкого походу ... стрельцу... за шляпу черную простую 3 алт. 2 ден. Куплена дурке Маньке. 10 июня. За 4 шляпы белых 37 алт. Взяты в царицыны хоромы, а царица ими жаловала боярынь»⁵⁸. Как уже упоминалось, карлицы, по московскому обычаю, тоже принимали участие в этой верховой процессии.

Очевидно, что это окружение царицы предназначалось скорее не для ее физической охраны, а больше для «тесноты людской» [Забелин, 1847, с. 11], согласно с замечанием иностранцев, что москвиты «все больше гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади»⁵⁹.

Завершая анализ, стоит отметить, что наиболее полно описаны выезды царицы Евдокии Лукьяновны, неизменным атрибутом которых являлись «амазонки»: источники различного характера описывают события 1628, 1630, 1632, 1634 и 1636 г.⁶⁰ [Забелин, 1847, с. 27–32].

О бытовании «амазонок» при дворе Алексея Михайловича рассказывает чиновник Посольского приказа Григорий Котошихин⁶¹, чьи сообщения охватывают период 1645–1664 г., с начала правления до эмиграции рассказчика летом 1664 г. Точку в этой истории ставит Самуил Коллинс, врач, который провел при дворе Алексея Михайловича девять лет, 1658–1666 г. Он пишет следующее: «недавно вывелось между женщинами обыкновение ездить верхом в белых шляпах с шелковой повязкой на шее, и садиться на лошадь по-мужски»⁶². Сопоставляя исторический нарратив и документальные свидетельства, можно согласиться с Н. И. Костомаровым, что женская конная стража как часть придворного церемониала упраздняется в середине XVII в. [Костомаров, с. 122].

Проанализированные материалы 1660–1670-х годов не противоречат высказанной версии: нет упоминаний о царских «амазонках» в довольно подробных описаниях придворного быта 1661⁶³, 1663–1664⁶⁴, 1670–1673⁶⁵, 1675 г.⁶⁶ Нет их и в подробных росписях царских поездов 1669 и 1674 г. [Забелин, 1847, с. 30–31]. Нет их и после 1675 г., с началом правления Федора Алексеевича, когда придворный церемониал еще более упрощается. Вероятно, последней, кто имел подобное сопровождение, была первая супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична Милославская. После ее смерти в 1669 г., согласно «Описи казне и платью царицы Марии Ильиничны», принадлежащие ей «шляпы и шнуры шляпочные» были переданы ее преемнице — Наталье Кирилловне Нарышкиной, которая уже не пользовалась ими⁶⁷.

⁵⁶ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 287.

⁵⁷ Там же. С. 341.

⁵⁸ Там же. С. 326.

⁵⁹ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в. / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1898. Т. 3. С. 34.

⁶⁰ Дополнения к дворцовым разрядам. Ч. 1. Стб. 638, 903. Выезд Евдокии Лукьяновны 15 июня 1636 г. описан Адамом Олеарием: «Великий князь имел за собою своих бояр и придворных людей, а великая княгиня — 36 своих девиц и прислужниц в красных платьях и белых шляпах, с которых на спину свисали длинные красные шнуры. Вокруг шеи у них висела белая фата; все они заметно были нарумянены. Они ехали на лошадях по-мужски» (см.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. С. 138).

⁶¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 36.

⁶² Коллинс С. Нынешнее состояние России... С. 20.

⁶³ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 84.

⁶⁴ Карлейль Ч. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля. С. 21–22.

⁶⁵ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. С. 296.

⁶⁶ Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // ЖМНП. 1837. № 16. С. 366.

⁶⁷ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. С. 320.

Итак, эволюция женской верховой езды на рубеже XVI–XVII в. отмечена значительными изменениями, связанными с ее перемещением из повседневного быта в область придворного церемониала. При московском дворе мода на сотенный конвой из «амазонок» в ярко-красных одеждах, выезжавших верхами на белоснежных иноходцах, держалась на протяжении всей первой половины XVII в. В это время она пережила два подъема. Первый пик приходится на первые годы столетия, а именно на выезды Марии и Ксении Годуновых, Марины Мнишек и Марии Шуйской. Второй начинается с замужеством Евдокии Стрешневой и заканчивается в середине столетия при Марии Милославской, незадолго до ее смерти.

Литература

- Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865.
- Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. Архитектурно-художественные памятники. М., 1981.
- Жилина Н. В. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.
- Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. [Забелин, 2014а]
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2014. [Забелин, 2014б]
- Кавелин К. Д. Быт русского народа. Соч. А. Терещенки // Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 1900. Т. 4: Этнография и правоведение. Стб. 5–168.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1845. Кн. 3. Т. XI.
- Кириллова Л. П. Царский выезд в XVII столетии // Наше наследие. 1997. № 42. С. 105–112.
- Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М., 1973. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36).
- Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.
- Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
- Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М., 2006. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7).
- Перхавко В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князья и княгини русской земли IX–XVI вв. М., 2002.
- Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1997. Ч. 1.
- Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 23–38.
- Шапиро Б. Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 170–184.
- Шапиро Б. Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 189–201.
- Arnold J. Dashing Amazons: The Development of Women's Riding Dress, c. 1500–1900 // Hays A. Defining Dress: Dress as Object, Meaning and Identity / Ed. by Elizabeth Wilson. Manchester, 1999. P. 10–29.
- Owen R. Art of Side-saddle: History, Showing, Etiquette. London, 1984.

References

- Arnold, J. Dashing Amazons: The Development of Women's Riding Dress, c. 1500–1900. In Hays A. *Defining Dress: Dress as Object, Meaning and Identity*. Ed. by Elizabeth Wilson. Manchester, 1999. pp. 10–29.
- Artsikhovskii, A. V. Drevnerusskie miniatiury kak istoricheskii istochnik [Old Russian Miniatures as a Historical Source]. M., 1944.
- Dobrovol'skaia, E. D., Gnedovskii, B. V. Iaroslavl'. Tutaev. Arkhitekturno-khudozhestvennye pamiatniki [Yaroslavl. Tutaev. Architectural and Artistic Monuments]. M., 1981.
- Gamel', I. Kh. Anglichane v Rossii v XVI i XVII stoletiiakh [The British in Russia in the 16th and 17th Centuries]. SPb., 1865.
- Karamzin, N. M. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo [The History of the Russian State]. SPb., 1845. Kn. 3. T. XI
- Kavelin, K. D. Byt russkogo naroda. Soch. A. Tereshchenki [Life of the Russian People. Composing by A. Tereshchenko]. In *Kavelin K. D. Sbranie sochinenii: v 4 t.* SPb., 1900. T. 4: Etnografia i pravovedenie. Stb. 5–168.

- Kirilova, L. P. Tsarskii vyezd v XVII stoletii [Royal Departure in the 17th Century]. In *Nashe nasledie*. 1997. № 42. pp. 105–112.
- Kirpichnikov, A. N. Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv. [Equipment for Rider and Riding Horse in Russia 9th – 13th Centuries]. M., 1973. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. P. E1–36).
- Kostomarov, N. I. Ocherk domashnei zhizni i npravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiiakh [Essay on the Domestic Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th Centuries]. SPb., 1860.
- Odintsov, G. F. Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom iazyke [From the History of Russian Hippological Vocabulary]. M., 1980.
- Osipov, D. O. Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. [Footwear of the Moscow Land of the 12th – 18th Centuries]. M., 2006. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. T. 7).
- Owen, R. Art of Side-saddle: History, Showing, Etiquette. London, 1984.
- Perkhavko, V. B., Pchelov, E. V., Sukharev, Iu. V. Kniaz'ia i kniagini russkoi zemli IX–XVI vv. [Princes and Princesses of the Russian Land of the 9th – 16th Centuries]. M., 2002.
- Shamin, S. M. Moda v Rossii poslednei chetverti XVII stoletia [Fashion in Russia of the Last Quarter of the 17th Century]. In *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. 2005. № 1 (19). pp. 23–38.
- Shapiro, B. L. Loshadi "gosudareva sedla" v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [Horses of "Royal Saddle" in the Muscovite Russia of the 16th – 17th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*. 2016. № 4 (24). pp. 170–184.
- Shapiro, B. L. Obuv', shpory i elementy sedel'nogo sbora: material'nai kul'tura vsadnika v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [Footwear, Spurs and Parts of a Saddle: Horseman Material Culture in Muscovy of the 16th – 17th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*. 2017. № 26. pp. 189–201.
- Tereshchenko, A. V. Byt russkogo naroda [Life of the Russian People]. M., 1997. Ch. 1.
- Zabelin, I. E. Troitskie pokhody russkikh tsarei [Troitsky Trips of the Russian Tsars]. M., 1847.
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiiakh [Home Life of Russian Queens in the 16th and 17th Centuries]. M., 1869.
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiiakh [Home Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. M., 2014.
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiiakh [Home Life of Russian Queens in the 16th and 17th Centuries]. M., 2014.
- Zhilina, N. V. Russkii zhenskii golovnoi ubor XV–XVII vv. [Russian Female Headdress 15th – 17th Centuries]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 2013. № 4. pp. 154–174.

Bella L. Shapiro

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

"AMAZONS" AT THE MUSCOVITE COURT:
PARTS OF A SADDLE AND THEIR COSTUMES

This article discusses the details of female horse riding in the Muscovite Russia in the second half of the 16th – first half of the 17th centuries. The study is primarily based on the historical narrative, which is considered as a complex of unique sources on the history of the court ceremonial of the Russian Middle Ages research. We have analyzed in this context both the notes already widely studied in Russian science and less well-known works. Summing up the results of the work, we noted that the women's horse guard of the Moscow queen was a momentary, but a bright phenomenon.

Key words: medieval Russia, Muscovite Russia, House of Romanov, history of costume, costume of ancient Russia